

УДК 2-23

ЕДИНСТВО ТРИНИТАРНОГО И АГАПЭЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЙ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

Павенков О.В.

Статья посвящена анализу концепта любви в теологии блаженного Августина. Теология любви блаженного Августина испытала множество влияний, среди которых следует выделить христианский никейский символ веры и личный духовный опыт. Мы описали формы связи между Троицей и христианской любовью в августиновской догматической системе. Была выявлена характерная особенность августиновского богословия любви: любовь есть не только заповедь или качество Божественной реальности, но и сама сущность Бога.

Ключевые слова: Любовь, Троица, блаженный Августин, каритативная любовь (*caritas*), агапэ, амур, дилекцию, внутриипостасная любовь, духовность.

THE UNITY OF TRINITOLOGY AND AGAPELOGY OF SAINT AUGUSTINE

Pavenkov O.V.

The article deals with the analysis of concept "love" in theology of St. Augustine. Theology of love of St. Augustine was influenced by many things, especially the Christian Nikean creed and personal spiritual experience. In our article we delved deeply in the united trinitology and agapeology parts of Augustine's teaching. We described the forms of connection between the Trinity and the Christian love in Augustine's dogmatic system. We revealed the characteristic feature of Augustine's theology of love: love is not only a commandment or quality of Divine reality, but the essence of God.

Keywords: Love, Trinity, St. Augustine, caritative love (*caritas*), agape, amor, dilectio, inter-hypostasis love, spirituality.

Отличительные черты августиновского богословия любви хорошо

известны не только в западной теологии [16, 17, 18, 24, 25, 29, 30], но и отечественным исследователям [9, 11, 12, 14, 15]. Изучение работ современных западных и отечественных богословов по латинской патристике любви говорит о явном августино-центризме в этом отношении.

Цель данной статьи – показать единство тринитарного и агапэлогического учений блаженного Августина. Одной из отличительных черт августиновской интерпретации любви является использование фактически всего спектра латинских слов для обозначения любви. Августин использует довольно часто термины «*dilectio*», «*caritas*», «*amor*», а так же производные слова «*amare*», «*diligere*» как синонимы. Образцом использования всех трех латинских терминов в одном произведении является Проповедь 349 Блаженного Августина [3, с. 1529-1533]. Понятие «*amor*», как и понятие «*caritas*» имеет специфическую коннотацию в случае, если контекст словоупотребления ее предполагает [17, с. 92-100, 114-115]. Эти особенности системы Августина сформировались, по мнению современного авторитетного патролога К. Морескини, благодаря «поразительной способности Августина воспринимать и перерабатывать разные традиции, пришедшие к нему через Плотина и Порфирия, через Мариа Викторина и Амвросия» [10, с. 511]. Прочитав неоплатоников, блаж. Августин находит в них темы для своих размышлений и разработки своего учения о внутреннем мире души [12, с. 140-149]. Отечественный исследователь Г. Зяблицев полагает, что блаж. Августин заимствовал у Плотина методологический инструментарий для познания Троицы. [6, с. 73-74]

Богослов и философ, систематизатор не только античной, но и патристической традиции, А.Ф. Лосев, интерпретируя блаж. Августина, выводит существования любви из наличия личностного начала в человеке. «Раз есть личность, то есть и самосознание, есть воля и есть любовь» [7]. Любовь есть конечное звено в логической цепочке: «личность – самосознание – любовь». Действительно, несмотря на попечение о теле, у человека есть душа. А раз есть душа, то есть и способность этой души к любви, которая

осуществляется в акте воли. Развитие этой ключевой идеи православного монаха Андроника (А.Ф. Лосева) приводит нас к мысли, что любовь – это вершина личностного роста человека, однако этот рост следует понимать не в секулярном ключе, не в духе светской психологии, а так, как понимали его святые отцы: личностное развитие возможно только в Боге и с Божьей помощью. Поэтому любовь даруется Богом тем людям, которые своим волевым актом прикладывают усилия к борьбе со страстями и воспитанию в себе смирения, тем самым, расширяя сознание своих грехов. Через расширение своей души, они создают большой «объем» в душе для того, чтобы это пространство внутреннего мира могла осветить Любовь и сделать его местом для пребывания. При этом, поскольку пространство души «бездонно» и может расширяться бесконечно, то совершенствование личности в любви является вечным процессом.

В согласии с позицией А.Ф. Лосева, не менее известный отечественный исследователь латинской патристики Г.Г. Майоров полагает, что по Августину сущность любви неотъемлемо связана со свободной волей человека. «Понятие свободной воли он сливал с понятием любви (*amor, caritas*), а из понятия любви выводил свою теорию добродетели (*virtus*). Любовь в представлении Августина — это человеческое проявление космической силы, влекущей все вещи к их «естественным местам» (воззрение, восходящее к Аристотелю)» [9, с. 322]. Августин понимает любовь как космическую силу, которая устремляет человека к местам, где он должен находиться. «Тела стремятся под действием своего веса к свойственному им месту, и вес тянет их не только вниз, но к тому месту, где они должны быть «по природе». Так, огонь стремится вверх, камень – вниз, движимые своим весом вещи ищут свои законные места. Масло, вылитое в воду, собирается над водой, а вода, налитая поверх масла, погружается под масло; и они тоже движутся своими весами и влекутся к своим местам. Вещи, которые не находятся на своем месте, не знают покоя; возвратившись на свои места, они успокаиваются. Так вот, мой вес – это моя любовь (*amor*), и если что-то ведет меня, так это она (*Conf. XIII 9*)» [9, с. 322]. Однако, исходя из этой

сентенции, мы никак не можем назвать Августина последователем Аристотеля, поскольку космический аспект, характерный для общей любви («amor»), не присущ другой форме любви – каритативной любви (caritas). По этому поводу необходимо заметить, что Августин в трактате «О Троице», разумеется, использовал, например, метод Аристотеля, состоящий в логическом делении категорий на понятия рода и вида [1, VII, 4.7-6.11]. При этом деление начиналось с понятий общего рода и кончалось индивидуумами. Однако предположение Г. Вольвсона о том, что учение Аристотеля о различных видах единства оказало существенное влияние на Августина, не может рассматриваться как достаточно убедительное [33, p. 315, 350].

Высший уровень любви как каритас (caritas) рассматривается Августином, прежде всего, в триадологическом контексте. Интерес представляет взгляд А.Ф. Лосева на триадологию любви Августина. В учении о Св. Духе, которое по мнению Ч. Гербера [20, p. 1], самым оригинальным во всей триадологии блаж. Августина, он устанавливает связь между учением о воле, триадологией и агапэлогией блаж. Августина: «Третья ипостась, по Августину, есть воля, объединяющая первые две ипостаси в единую любовь. Тайна жизни христианской триипостасности, по Августину, есть тайна любви» [7]. Святой Дух, являясь абсолютным высочайшим Согласием и каритативной Любовью (caritas), которая неизменна (incommutabilis), сообщает эту любовь людям, чтобы они больше возлюбили Бога и пребывали в согласии друг с другом. Это учение блаж. Августина, сформировавшееся под влиянием предшествующей христианской традиции, Ч. Гербер назвал «каритативной пневматологией» (love-pneumatology) [20, p. 140].

К сожалению, в своем учении о Св. Духе как «Божественной Воле» блаженный Августин совершенно не опирался на греческое учение о Троице [26, p. 333-334], что отразилось и на его учении о любви Святого Духа, как связи Бога Отца и Бога Сына и на его триадологии, уже позже выступившей основой католического учения о Filioque. В целом, учение блаженного Августина о Святой Троице имело доминирующее влияние на последующее

развитие западного тринитарного богословия.[25, р. 61] Подробный анализ августиновского учения о Филиокве осуществил архим. Плакид [11, с. 206-223].

Ссылаясь на слова гимна любви ап. Иоанна Богослова (1 Ин. 4:16), Августин в труде «О Троице» пишет: «Когда ты созерцаешь любовь, то действительно созерцаешь Троицу. И я постараюсь, если я буду иметь возможность, чтобы ты понял, что ты видишь. Пусть только Она (Св. Троица) помогает в том, чтобы мы приклеплялись любовью к каким-либо благим вещам». [1, VI, 7]. Однако триадологичность самой Божественной Любви есть тайна, познанию не подлежащая. Бог есть Троица и Бог есть Любовь (1 Ин. 4:16) – таинственная связь этих двух истин не подлежит никакому сомнению, но относится не к сфере рационального познания, а постигается в глубинах верующего сердца.

Августин Аврелий в любви как каритас (*caritas*) видит три основных компонента, соответствующих трем ипостасям Пресвятой Троицы:

1. Тот, кто любит - субъект любви – Бог Отец;
2. Тот, кого любят – объект любви – Сын Божий;
3. Отношение любви, в котором первые два действия любви объединяются – Святой Дух. [4, с. 188-197] Святой Дух фактически выступает отношением между Богом Отцом и Богом Сыном.

Подобная конструкция вечной связи Бога Отца и Бога Сына побудила Августина определить место Святого Духа следующим образом: Святой Дух является взаимной любовью Бога Отца и Бога Сына [20, р. 149-150].

Фактически Августин здесь применил онтогносеологическую антропологическую аналогию, подробно рассмотренную Э. Тезелле в фундаментальном труде «Августин – теолог» [31, р.299-309]. Однако, по мнению, Дж. Престиджа, с которым мы не можем не согласиться, подобную аналогию нельзя назвать всецело убедительной. «Августин сделал попытку, может быть, не очень убедительную, применить аналогию субъекта, объекта и отношения к соотношению Трех Лиц, и продемонстрировал это на скрупулезно развитом примере разума (человеческого – О.В), осознания разумом себя и

любви, которую разум питает к самому себе и к своему знанию» [28, p. 235].

Кроме онтогносеологической аналогии, Августин активно и антропологическую аналогию, сопоставляет троичность человеческого существа (ум, волю и чувство) с Тремя Ипостасями Троицы. Душа любит свое существование, и поэтому стремится познавать себя. В этой аксиоме Августина К. Скворцов видит стремление святого отца «показать образ Троицы в душе... Я люблю свое существование и знание... Я не старался бы знать себя, если бы не любил» [14, с. 330]. Человеческая любовь является по Августину аналогом любви Божией. На наш взгляд, любовь в этом выступает методом постижения тайны внутритроичного бытия. Мы не можем не согласиться с позицией П. Верещатского, который подчеркивает методологическое знание любви в триадологии блаж. Августина: «Сама его психологическая конструкция тринитарного догмата, путем анализа человеческого самосознания и любви уясняющая тайну троичной жизни Божества, достаточно говорит за то, что Бог для Августина – это прежде всего живая самосознательная Личность с предикатом абсолютного совершенства» [4, с. 185]. Подобная позиция соответствует и мнению для западных теологов [21, p. 61]. Именно с помощью анализа любви Августин разрабатывает психологическую аналогию для объяснения тринитарного догмата.

Однако Любовь является не просто отношением, а отождествляется Августином с Сущностью Бога [1, VI, 7]. Бог не есть Троица, если Он не есть Любовь, ибо как можно любить лишь самого себя? В этом случае речь идет не о любви, а об эгоизме, который бесконечно чужд Богу. Для любви нужен другой, нужна другая личность и жертвенное служение ей. В Боге предвечно есть отношения Любви между Ипостасями Троицы. Как Бог имеет одну единую сущность, эссенцию, то и сущность любви одна. Позиция западных ученых по данному вопросу состоит в подчеркивании единой сущности Божественной Любви для Ипостасей Троицы [22, p. 272]. Отечественный патролог И.В. Попов, разделяя позицию Келли Дж., писал, что в учении Августина «*essentia* есть нечто единичное и неделимое, в пределах которого находятся Лица

Божества» [13, с. 260] [12].

Чтобы более детально представить специфический способ осмысления вечных отношений внутри Троицы, рассмотрим труд Августина «10 проповедей на Первое Послание ап. Иоанна», который представляет собой анализ первого послания ап.Иоанна Богослова, каждый стих которого пронизан, как золотыми нитями, словами любви [2]. Данное сочинение написано в полемике с донатистами, с ересью которых в ту эпоху боролась христианская Церковь.

Августин использует именование Бога Любовью, употребляя при этом два термина как синонимичные: «дилекцию» (*dilectio*) и уже рассмотренный нами «каритас» (*caritas*). Эти термины используются Августином как взаимозаменяемые особенно при анализе 1 послания Иоанна Богослова, где говорится, что Бог есть Любовь. Такое словоупотребление демонстрирует, на наш взгляд, насколько эти термины синонимичны в самом библейском тексте. Он делает это в интеллектуальном диалоге с сентенцией ап. Павла: «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5:5).

Размышляя над этим боговдохновенным текстом, Августин делает вывод, что Святой Дух должен быть одновременно и Любовью, и Даром, поскольку мы способны любить лишь в Духе, которого Бог дарует нам [1, XV, 31]. Это рассмотрение отражает очень важный аспект примата икономии Троицы в понимании вечной природы Бога. Святой Дух есть Любовь, Он является Любовью между Отцом Любви и Сыном Любви.[1, V, 12.]

Известнейший православный богослов XX века Владимир Лосский на примере этого учения Августина показал, где проходит демаркационная линия между западным и восточным богословием. «В противоположность западному богословию, учение Восточной Церкви никогда не определяет отношений между Лицами Пресвятой Троицы названием каких-либо Ее атрибутов. Никогда не скажут, например, что Сын происходит по образу разума, а Дух Святой – по образу воли. Святой Дух никогда не уподобляется любви между Отцом и Сыном. В тринитарном психологизме блаженного Августина можно видеть скорее образную аналогию, нежели положительное богословское

учение, выражающее соотношения Божественных Лиц» [8, с. 133].

Помимо триадологии, Августин фрагментарно говорит о любви в связи с эсхатологической проблематикой. Великий богослов ведет прямую полемику с донатистами, особенно в третьей части своего труда [2, 3.3] в связи с эсхатологической проблемой. Противники Августина признавали веру во Христа. Тем не менее, Августин утверждает, что, хотя донатисты исповедовали Христа, как они сами утверждали, они отрицают его своими действиями [2, 3.8.2.]. Это делает их еще более худшими, чем еретики, ни одни из которых не отрицают, что Иисус есть Христос [2, 3.7.1]. Донатисты противостоят Божественному Слову Божьему, то есть Христу, и поэтому они могут рассматриваться как антихристы.

Несколько отходя от собственно полемики в первой же части своего труда, Августин занимается прямой своей целью – экзегезой слов ап. Иоанна Богослова, в том числе о любви. Он объясняет, что «полнота радости», о которой говорит Иоанн Богослов, есть общение в «союзе, в самой любви, в единстве» [2, 1.3]. Чтобы иметь единство с Богом, мы должны непрестанно пребывать в глубоком слезном покаянии, и только тогда будем прощены человеколюбимым Богом. Прежде, чем исповедать грехи, мы должны иметь любовь, ибо «любовь покрывает множество грехов» (1 Пет. 4:8) [2, 1.6.1]. Мы знаем Бога, как апостол Иоанн Богослов говорит, если соблюдаем Его заповеди. Августин задает следующий риторический вопрос: Какие заповеди мы должны исполнить? Мы призваны исполнить заповедь любви, которую дает Христос (Ин 13:34) [2, 1.9.1].

В связи с полемикой с донатистами в конце четвертой проповеди, блаженный ставит очевидную проблему. Иоанн Богослов говорит, что мы ошибаемся, если мы утверждаем, что не имеем греха (1 Ин. 1:8), но он также говорит, что тот, кто рожден от Бога, не грешит (1 Ин. 3:9) [2, 4.12]. В следующем поучении Августин осуществляет толкование этих библейских стихов: существует один конкретный грех, «такой, что, если человек совершает его, то он усиливает другие, но если они (люди – П.О) не совершают его, он

ослабляет другие (грехи)» [2, 5.2.3]. Единственным конкретным грехом, который имеет такое первостепенное значение, является преступление заповеди любви, поэтому Августин описывает это, как «серьезный грех, а также корень всех грехов» [2, 5.2.3]. Те же, кто любит своих ближних, в том числе, еретиков, пребывают в свете. Они взошли на Божественную колесницу покаяния и были возведены на небо, где живет Любовь, и Она вошла в их сердце. Они объемлют все, весь мир этой Любви, которая даже врагов, даже донатистов, может примирить и сделать братьями и друзьями. Мы можем лишь стремиться всем сердцем и существом к тому, чтобы сказать обо всем мире, как сказал Августин: «Теперь они с вами, теперь они присоединяются к вам в католическом единстве» [2, 10.7.3].

Следовательно, любые церковные разделения, тем более, расколы и ереси недопустимы для христиан и должны быть уврачеваны единством в любви. Тот, кто в единстве Церкви, тот укоренен в любви Божьей; тот, кто оставил единство с Церковью, является антихристом, и донатисты не являются исключением. А в чем причина любого раскола, любого разделения? Главной причиной является отсутствие христианской любви между людьми [2, 6.2.1]. Христиане помазаны благодатью Духом Любви, Духом Святым, который есть Любовь. Без Духа Любви невозможна молитва, ибо Он молится в нас, невозможно проливать слезы покаяния, ибо Он дает нам слезы покаяния, невозможно и стяжать любовь, ибо Он дарует любовь. «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. (Рим.5:5)», – цитирует это место Писания Аврелий Августин. Несомненно, Дух Святой живет в том, кто живет по Евангельской любви. Итак, обнаружить Святого Духа в душе можно по одному критерию: по наличию каритативной любви [2, 6.9].

В этом же труде Августин подчеркивает, любовь – это не только слово любви, но это и действие. «Любовь: сладкое слово, но и сладкое действие» [2, 8.1]. Когда Евангельская любовь, любовь от Бога действует в нас, мы можем делать все, к чему мы имеем соизволение. Любовь выступает как универсальный мотив поведения. Чувства, желания, неосознанные стимулы и

импульсы – все это многообразие актов Августин сводит к термину любви как «dilectio». Любое поведение детерминировано специфическим видом любви, которое его мотивирует [32, р.384]. «Люби и делай все, что ты хочешь» [2, 7.8]. Если человек пребывает в исихии, то пусть и любовь пребывает в исихии. Если же он говорит, то пусть в любви говорит. Если человек прав, то в любви пусть будет правым; если же он научает кого-либо, то в любви пусть научает. Пусть корень любви прорастет, и чтобы в этом корне ничего не делалось плохо, но все делалось хорошо. Корень любви не статичен. Он растет по мере того, как мы духовно возрастаем. Начало пути к истинной любви – это Крещение. Через Крещение и вступление в Тело Христово душа очищается от греха и чувства вины (reatus), то есть от состояния вражды с Богом, но оно не позволяет освободиться от похоти, то есть от внутреннего возмущения души [30, р.55]. Салливан Дж. пишет в связи с этим: «началом восстановления образа Божия, происходящего в момент крещения, что откровенно и прямо отмечается Августином, является увелечение день за днем сходства с Богом» [30, р.55].

Любовь к ближним делает нас способными видеть Бога. «Люби твоего брата. Если ты любишь брата, которого ты видишь, ты тут же увидишь Бога, потому что ты увидишь любовь саму в себе, и Бог живет в тебе» [2, 5.7.2]. Любя брата, мы познаем любовь, и в этой любви мы любим и Бога. Поскольку Евангельская заповедь любви едина, то нарушение заповеди любви к ближним означает и ослабление любви к Богу. Кто любит ближних, тот любит и Иисуса Христа, а кто любит Бога Сына, тот любит и Бога Отца.

Итак, систематизируем категории, использованные блаж. Августином для обозначения Божественной любви в Троице и человеке в виде таблицы:

*Категория любви в тринитарных и антропологических аналогиях
блаженного Августина*

I. Божественная Любовь сама по себе (in veritate)		
Бог Отец – Субъект Любви	Бог Сын – Объект любви	Святой Дух – Отношение любви
Любящий – Субъект Любви	Любимый – Объект Любви (quod amatur, diligatur et	Взаимная Любовь – отношение Любви

(amans, diligans)	diligans)	(utriusque amor, ipsa dilectio, caritas amorum)
Высшая Мера (summus modus)	Божественная Премудрость и Истина (sapientia, veritas)	Путь, ведущий к Истине (inducens in veritatem)
Начало Любви (principium)	Ум, воспринимающий любовь (intellectus)	Разум, связывающий Любящих (ratio)
Начало Любви (principium)	Премудрость, Истина-Любовь, Образ Любви (sapientia, veritas, forma)	Любовь как Дар Божий (donum Dei, munus)
Любовь как первое и высшее Бытие (summe et primitus esse)	Любовь как первый и высший Ум (primus ac summus intellectus)	Любовь как первая и высшая Жизнь (prima et summa vita, summe et primitus vivere)
Любовь как первое Бытие (prima essentia)	Любовь как первая Премудрость (prima sapientia)	Любовь как первая Жизнь (prima vita)
Любовь как неизменное Бытие (essentia, incommutabiliter esse)	Любовь как неизменное Знание (scientia, incommutabiliter scire)	Любовь как неизменная Воля (voluntas, incommutabiliter velle)
истинная Вечность (vera aeternitas)	вечная Истина (aeterna veritas)	вечная и истинная Любовь (vera et vera caritas)
Начало Любви (origo)	Образ Любви (imago)	Любовь есть Святость (sanctitas)
Любовь как Высшее Начало (summa origo)	Любовь как совершеннейшая Красота (perfectissima pulchritudo)	Любовь как блаженнейшее Услаждение (beatissima delectatio)
II. Любовь человека как образа Божия (imago Trinitatis)		
память о предмете Любви (memoria)	внутреннее зрение Любви (visio interna)	Любовь как воля (voluntas)
быть (esse) в Любви	мыслить (sapere, intelligere) о Любви	жить (vivere) в Любви
быть (esse) в Любви	знать (nosse) Любовь	любить (diligere) Бога и ближнего
любящий (субъект)	любимый (объект любви) (quod amatur)	любовь человеческая (amor)

любви, amans)		
Человеческая любовь как качество ума (mens)	знание (notitia) человеческой любви	любовь человеческая (amor)
Талант любви (ingenium)	учение (doctrina) о любви	польза (usus) от любви
Талант любви (ingenium)	Любовь как высшая добродетель (virtus)	безмятежность (tranquillitas) как результат действия любви
Любовь как часть природы человека (natura)	Обучение любви (disciplina)	польза (usus) от любви
память о Боге (memoria Dei)	познание Бога (intelligentia Dei)	любовь к Богу (amor Dei)

За основу данной таблицы взята таблица «тринитарных аналогий», разработанная французским исследователем Э. Порталье [27, р. 2351–2352]. Эта таблица была значительно изменена, переработана, частично сокращена и частично дополнена. Другие списки, в которых систематизированы тринитарные аналогии Августина, составили О. Дю Руа [19, р. 537–540] и А.Р. Фокин, который также ссылается на таблицу Э. Порталье в своей докторской диссертации [15, с. 358]. Задача данной таблицы – показать огромное значение категории любви в системе Августина, которая полностью пронизана Любовью. Любовь выступает связующим звеном всех элементов богословской системы Августина.

Несмотря на то, что триадология блаженного Августина не была принята Восточной Церковью, учение о внутриипостасной Любви Аврелия Августина находится в глубоком единстве с учение о любви великих каппадокийцев, и, в целом, с православным вероучением, что создает почву для интенсивного диалога православной Церкви с католиками. Общехристианское знание, что Бог есть Любовь. Это абсолютное знание, обладая которым человек уже не ищет никаких разделений, ненависти, вражды на национальной, расовой или религиозной почве. Бог через святого отца призывает всех людей, и украинцев,

и русских, к Любви, говоря человечеству: «Любовь сама делает Меня настоящим для вас» [2, 10.4].

Список литературы:

1. Augustinus De Trinitate libri quindecim. // *Patrologia Cursus Completus: Series Latina* / Ed. J.P. Migne. Vol. 42. AB, 1353. Paris, 1847.
2. Augustinus In epistolam Ioannis ad Parthos tractatus // *Patrologia Cursus Completus: Series Latina* / Ed. J.P. Migne. – Vol. 35 – AB, 1353. Paris, 1847.
3. Augustinus. Sermones // *Patrologia Latina* / P. Migne. Vol. 39. Paris, 1847.
4. Верещатский П. Плотин и Августин в их отношении к тринитарной проблеме // *Православный собеседник*, 7-8 (1911).
5. Верещацкий П.И. Учение блаженного Августина, епископа Иппонского, о Святой Троице. Ч. I. Казань, 1918.
6. Зяблицев Г., диак. Богословие блаженного Августина и античная философия // *Церковь и время*. 1991. № 1.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития. [Электронный ресурс] // *Philosophy.ru*. Философский портал. 2014. URL: <http://philosophy.ru/library/losef/iae8/txt07.htm> (дата обращения: 22.10.13).
8. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М. 1991
9. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 1979
10. Морескини К. История патристической философии. М., 2011.
11. Плакид (Дезей), архим. Блаженный Августин и «Филиокве» // *ВРЗЕПЭ*. 1982. № 109–112.
12. Попов И.В. Личность и учение блаженного Августина. Ч. 1–2. Сергиев Посад., 2006.
13. Попов И.В. Патрология. Сергиев Посад, М., 2003.
14. Скворцов К. Блаженный Августин как психолог // *Труды Киевской Духовной Академии*. 1870. № 5.

15. Фокин А.Р. Античная философия и формирование тринитарной доктрины в латинской патристике. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М. 2013.
16. Benz E. *Marius Victorinus und die Entwicklung des abendländischen Willenmetaphysik*. Stuttgart, 1932.
17. Bumaby, J. *Amor Dei: A Study in the Religion of St. Augustine*. London, 1938.
18. Canning. R. *The unity for Love of God and Neighbor in St. Augustine*. Heverlee-Leuven, 1993.
19. Du Roy. *L'intelligence de la foi en la Trinite selon saint Augustin. Genese de sa theologie trinitaire jusqu'en 391*. Paris, 1966.
20. Gerber Ch. T. *The Spirit of Augustine's Early Theology. Contextualizing Augustine's Pneumatology*. Aldershot, 2012.
21. Hill W. *The Thee-Personed God: The Trinity as a Mystery of Salvation*. Washington, 1982.
22. Kelly J. N. D. *Early Christian Doctrines*. London, 1968.
23. Nygren. A. *Agape and Eros/ tr., Walson P.S.* New York. 1953; Arendt H. *Love and Saint Augustine*. Chicago, 1996.
24. O'donovan..O. *The problem of self-love in St. Augustin*. London. 1980.
25. Paissac H. *Théologie de Verbe, saint Augustin et saint Thomas*. Paris, 1951.
26. Pelikan J. *The Christan Tradition. A History of the Development of Doctrine. Vol. 1*. Chicago, London, 1971.
27. Portalié E. *Saint Augustin // Dictionnaire de théologie catolique. T. I*. Paris, 1913.
28. Prestige G.L. *God in Patristic Thought*. London 1969.
29. Rahner K. *Reflections on the Unity of the love of neighbor and the Love of God // Theological Investigations 6./ tr. Kniger. K.-H.and Kruger B.* London, 1969.
30. Sullivan J. E. *The Image of God: The Doctrine of St. Augustine and its Influence*. Dubuque, 1963.
31. TeSelle E. *Augustine the Theologian*. London, 1970.

32. The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy / ed. by A. H. Armstrong. Cambridge, 2007.

33. Wolfson H. The Philosophy of the Church Fathers: Faith, Trinity, Incarnation. Vol. 1. Faith. Trinity. Incarnation. Cambridge, 1956.

Сведения об авторе:

Павенков Олег Владимирович – кандидат философских наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, аспирант Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Pavenkov Oleg Vladimirovich – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, St. Petersburg State University of Cinema and Television, graduate student of Saint Petersburg Theological Academy (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: pavenkov@yandex.ru.